

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-422-434
EDN: WFLKNG

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН КАК ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ (СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СОСТАВЕ ТОПОНИМОВ)

Борис Абдулкеримович Мусуков

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, bmusukov@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию географических наименований и апеллятивной лексики на материале карачаево-балкарского языка с точки зрения грамматической специфичности ономастики, одного из аспектов грамматической системы – словоизменения имен собственных и их производящих основ. В определительных словосочетаниях описательного типа, изафетных конструкциях рассматриваются формальные словоизменительные признаки географических имен, падежная флексия, имеющая в топонимах свое грамматическое значение. В рамках данной работы, ограниченной ономастической грамматикой, анализируются новые акты наименования, сохранившиеся в первоначальном контекстуальном виде, различные зафиксированные грамматические топоформанты и их варианты как широко распространенное средство образования географических имен.

Анализ географических наименований свидетельствует о том, что в номенклатурных словосочетаниях, употребляющихся в номинативно-нарицательном, терминообразующем и формообразовательном значениях, существует лексико-семантическая и грамматическая связь между сочетающимися компонентами. Из падежных флексий наиболее многочисленными оказываются в карачаево-балкарской топонимии аффиксы родительного падежа *-ны/-ни*, *-ну/-ню*.

В развернутом обобщении обращается внимание на то, что топонимизации словоизменительных единиц морфологии в сочетании с апеллятивными производящими основами в зависимости от значения корневого компонента подвергаются такие аффиксы, как аффикс множественности-собирательности, обозначающий количественные характеристики абстрактных имен, плюральные формы топонимов, аффикс субъективной оценки *-чыкъ/-чик*, *-чукъ/-чюк*, аффикс профессии *-чы/-чи*, *-чу/-чю*, падежные флексии, употребляемые в пространственно-временных образованиях, лексикализуясь, изолированно в значении другой части речи.

Ключевые слова: изафетная конструкция, падежная флексия, грамматическое значение, грамматический топоформант, географическое имя, топонимизация, грамматическое оформление.

Для цитирования: Мусуков Б.А. Морфологические характеристики карачаево-балкарских географических имен как лексической категории (существительные, прилагательные, числительные в составе топонимов) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 422-434. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-422-434. EDN: WFLKNG.

Original article

MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF KARACHAY-BALKAR GEOGRAPHICAL NAMES AS A LEXICAL CATEGORY (NOUNS, ADJECTIVES, NUMERALS IN TOPONYMS)

Boris A. Musukov

Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, bmusukov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-0176>

Annotation. The article is devoted to a comprehensive study of geographical names and appellative vocabulary based on the material of the Karachay-Balkar language from the point of view of the grammatical specificity of onomastics, one of the aspects of the grammatical system – the inflection of proper names and their derivative stems. In descriptive-type defining phrases and izafet constructions, formal inflectional features of geographical names and case inflection, which have their own grammatical meaning in toponyms, are considered. Within the framework of this work, limited to onomastic grammar, new acts of naming preserved in their original contextual form, various recorded grammatical topoformants and their variants as a widespread means of forming geographical names are analyzed.

An analysis of geographical names shows that in nomenclature phrases used in nominative-common, term-forming and form-forming meanings, there is a lexical-semantic and grammatical connection between the combined components.

In the detailed generalization, attention is drawn to the fact that the toponymization of inflectional units of morphology in combination with appellative productive bases, depending on the meaning of the root component, is subject to such affixes as the affix plurality-collectivity, denoting quantitative characteristics of abstract names, plural forms of toponyms, affix of subjective evaluation - *чыкъ/-чик*, *-чук/-чук*, affix of profession *-чы/-чи*, *-чий/-чийю*, case inflections used in spatio-temporal formations, lexicalizing, isolated in the meaning of another part of speech.

Key words: izafet construction, case inflection, grammatical meaning, grammatical topoformant, geographical name, toponymization, grammatical design.

For citation: Musukov B.A. Morphological characteristics of Karachay-Balkar geographical names as a lexical category (nouns, adjectives, numerals in toponyms). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 422-434. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-422-434. EDN: WFLKHG.

© Musukov B.A., 2025

Введение

Рассматривая морфологические особенности карачаево-балкарских географических наименований как лексической категории и нарицательных единиц – существительных, прилагательных, числительных в составе топонимов, следует обратить внимание на грамматическое (словоизменительное) оформление имен собственных и апеллятивных основ. В работе анализируются лексико-семантические и структурно-семантические характеристики апеллятивных наименований, подвергнутых топонимизации и морфологизации. В ней рассматривается определенная словообразовательная и грамматическая заданность,

детерминированная статусом физико-географических наименований, их особым положением в системе языка, пути и способы языковой экономии в карачаево-балкарской топонимике. Географические имена, отмеченные как на ранних, так и поздних письменных фиксациях, представляют собой важный источник установления этнической картины прошлого. Формирование их языковой принадлежности, лексико-семантических и лексико-грамматических полей по входящим в топонимы с открытой семантической структурой апеллятивам изучается как синхронный срез с точки зрения лингвистической и исторической интерпретации как собственно карачаево-балкарских топонимов, так и субстратных единиц, употребляемых в ономастике в качестве терминообразующего компонента.

Основная часть

Карачаево-балкарские географические названия, в составе которых употребляются существительные, прилагательные, числительные, наряду с ярко выраженными словообразовательными особенностями обладают целым рядом морфологических и синтаксических показателей, заслуживающих особого внимания. Основным и ведущим в топонимике остается деривационный принцип, сводящий к минимуму особенности морфологического анализа при всем его многообразии. Несмотря на это, топонимические наблюдения свидетельствуют о том, что морфологическая и синтаксическая организация омонимов в карачаево-балкарском языке так же, как и в других тюркских языках, имеет свои специфические особенности.

Грамматическое оформление имен собственных

В настоящее время, как и раньше, в карачаево-балкарском языке так же, как и в других тюркских языках, вопрос о грамматическом оформлении имен собственных в составе физико-географических наименований является весьма актуальным. Вокруг данного вопроса проводится немало споров, выражаются самые различные порой совершенно диаметрально противоположные точки зрения. Как в тюркской ономастике в целом, так и в карачаево-балкарском языкознании, в частности, решению обозначенной проблемы не уделялось в предыдущие годы должного внимания, в то время как в некоторых языках этот вопрос уже имел определенно сложившиеся особенности. Следует обратить внимание на то, что еще В. Гумбольдт почти сто пятьдесят лет тому назад выражал мысль о неограниченных перспективах языка применять имеющиеся у него ограниченные средства и об обязанности грамматики исследовать процессы, обеспечивающие эту возможность [Humboldt 1836].

Ограниченные грамматические средства, о которых говорил в свое время В. Гумбольдт, в системе любого языка в связи с употреблением имен собственных в составе географических наименований являются максимально лимитированными. О.Т. Молчанова в этой связи отмечает, что «лимитированность грамматических средств оформления имен собственных является одной из топонимических универсалий. Грамматической особенностью большинства имен собственных является то, что они не имеют формы множественного числа в обычном употреблении» [Молчанова 1988: 32]. Грамматической особенностью большинства

имен собственных в составе топонимических конструкций карачаево-балкарского языка в отличие от двусоставных географических названий алтайского языка является то, что они выступают в форме множественного числа как в обычном употреблении, так и в номенклатурных единицах. Если в тюркских языках имена собственные, выражающие неопределенность, исключаются из обычных и топонимических конструкций, то в карачаево-балкарском языке они проявляют активное употребление.

Есть ли основания говорить о грамматической (словоизменительной) специфичности карачаево-балкарских географических наименований. «Цель приведенных выше замечаний, – писал Е. Курилович, – поставить грамматическую проблему имени собственного, выделить ее среди необозримого множества точек зрения и мнений внелингвистического характера, выдвигающихся на первый план в ономастических исследованиях. Внешние (по отношению к языку) факты истории вообще и факты истории культуры в частности нередко оказываются решающими для выяснения этимологии собственных имен. Однако их специфическое значение для лингвистики заключается в тех особенностях, которыми они отличаются от других групп существительных. Остальное в значительной степени относится к смежным наукам: к этимологии, социологии, политической истории, истории культуры и т.д.» [Курилович 1962: 266].

Итак, какие формальные, грамматические различия отличают топонимическую группу лексики карачаево-балкарского языка с точки зрения словоизменения имен собственных?

Грамматическая, морфологическая специфичность географических имен в карачаево-балкарском языке совсем не изучалась. С этой точки зрения грамматические (словоизменительные) различия могут быть несущественными, содержащими лишь количественные, а не качественные особенности. Географические названия располагают лишь им свойственными структурными (нефонетическими) закономерностями развития, разрозненными фрагментами самостоятельной грамматики, которые можно было бы в определенной степени назвать топонимическими законами.

С точки зрения одного из аспектов грамматической системы – словоизменения географических имен наиболее отчетливо выступают ономастические (топонимические) проблемы. При анализе и разграничении грамматических свойств соответствующих топонимических единиц задача наглядно формулируется в отношении карачаево-балкарского языка как описание словоизменительных особенностей номенклатурных единиц различной сложности.

Сложность описания карачаево-балкарской топонимии заключается в том, что тип карачаево-балкарских географических имен нельзя ограничить совершенно конкретными и единственными структурно-словообразовательными особенностями. Словоизменительной особенностью бытования географических имен в языке-источнике является то, что существовали и существуют морфологические варианты одного и того же географического названия в разной интерпретации, например, из карачаево-балкарского языка: *Алтынла Сырты*, холм на лев. бер. р. Чайнашки у среднего течения, прав. прит. р. Ч.-Балк.; *алтын* ‘золото’; *сырт* ‘склон’; *Алтынла-Сырт-Тюбю*, местн. на лев. бер. р. Чайнашки,

лев. прит. р. Ч.-Балк.; *алтын* 'золото'; *сырт* 'склон'; *тюбю* 'низовье' [Хапаев 2013: 94].

Проблема описания морфологических особенностей географических наименований связана с количеством топонимических лексем, с набором словоизменительных образцов, с изменением их. Основную же сложность при этом представляют фактически грамматические проблемы, имеющие экстраграмматические особенности, то есть какое место занимает словоизменение географических имен по отношению к словоизменению апеллятивной лексики; каковы основные, наиболее важные факторы, квалифицирующие специфичность словоизменения топонимических единиц.

Попытка ответить на сформулированные вопросы на материале собственно топонимическом будет способствовать решению теоретических грамматических вопросов, связанных с изменениями, имеющими место в морфологии современного карачаево-балкарского литературного языка. При изучении географических материалов «собственной грамматики» станут заметнее и те преобразования, которые совершаются в грамматике апеллятивной лексики – «центральной грамматике», и яснее реальные влияния одной на другую.

Карачаево-балкарские географические наименования, образованные от соответствующих физико-географических апеллятивов, выявляют помимо множественного числа различные грамматические средства оформления имен собственных. Карачаево-балкарские географические имена в большинстве случаев имеют двучленную структуру, выявляя тип синтаксической связи примыкание между лексическими компонентами. Сложное географическое имя, как один из членов словосочетания, обладая одним или несколькими лексическими значениями и категориально-грамматическим значением, добавляет падежную форму ко второму компоненту названия. Приведем примеры склонения карачаево-балкарских топонимических единиц, например, *Токъа-Хаджини-Бау-Орну*, мест. близ аула Карт-Джурт; *Токъа-Хаджи* – и. собств.; *бау орун* 'загон для скота'; (компонент *Токъа-Хаджини* употребляется в форме родительного падежа ед. числа) [Хапаев 2013: 353]; *Токълучулары-Къара-Суу*, родник на лев. бер. р. Схауат; *Токълучулары* – род фам. Созаруковых; *къара суу* 'родник' [Хапаев 2013: 353]; (компонент *Токълучулары* употребляется в форме родительного падежа мн. числа); *Томайны-Къулагъы*, балка в Архызе; *къулакъ* 'балка'; *Томай* – и. собств. [Хапаев 2013: 354]; (компонент *Томайны* употребляется в форме родительного падежа ед. числа). Употребление компонентной формы родительного падежа в карачаево-балкарской топонимии считается частым явлением. Кроме того, географические названия, в которых один из компонентов выступает в форме родительного падежа с помощью словоизменительных инвентарных единиц морфологии *-ны/-ни*, *-ну/-ню* сопровождаются аффиксами третьей формы изафета. В карачаево-балкарском языке в составе географических названий в качестве грамматических средств формального выражения имен собственных выступает в различных фонетических вариантах аффикс профессии *-чы/-чи*, *-чу/-чю*, например, *Тууар-Беклеучю*, местн. на р. Чайнашки; *тууар* 'крупный рогатый скот', *беклеучю* 'загораживающий', 'загоняющий' [Хапаев 2013: 359]; *Уллу-Мурутчу-Суу*, река в бас. р. Теберды; *суу* 'вода'; *уллу* 'большой'; *мурутчу*, возможно, от

муртху ‘калина’ [Хапаев 2013: 368, 286]; *Чалыучу*, местн. на прав. бер. р. Ч. Без, выше устья р. Думала; *чалыучу* ‘косарь’, ‘местность, где косят сено’ [Хапаев 2013: 392]; *Чалыучу-Баши*, местн. на прав. бер. р. Ч. Без; *баши* ‘верховье’ [Хапаев 2013: 393]. Аффикс профессии *-чы/-чи* может употребляться и в двухкомпонентной конструкции, присоединяясь только к первому компоненту.

Топонимические конструкции, рассмотренные выше, обнаруживают тенденцию к сохранению формы именительного падежа во всех случаях изменения определяемого имени. Для большинства географических имен отсутствие словоизменительных особенностей интерпретируется как норма, за исключением тех моментов, когда в ряде случаев наблюдаются колебания.

При помощи аффикса *-чы* в целом образуются имена существительные, обозначающие лиц по их профессии, деятельности в широком смысле слова. В эту группу лексем входят основы со значениями профессии, занятости, привычки, склонности, влечения, приверженности и т.д. Наиболее древним значением в этом списке является значение профессии (занятия), участвующее в образовании как нарицательных имен, так и географических имен, например, *малчы* ‘скотовод’ – от *мал* ‘скот’; *Малчы-Тёш*, местн. ниже села Булунгу; *малчы* ‘скотник’, *тёш* ‘грудина’, ‘наковальня’ [Хапаев 2013: 276]; *чалыучу* ‘косарь’ – от *чалыу* ‘косьба’; *Окьуб-Чалыучу*, местн. и покос в бас. р. Ак-суу выше гор. Нальчика; *чалыучу* ‘косивший’; *Окьуб* – и. собств.; *ойнаучу* ‘игрок’, ‘играющий’ – от *ойнау* ‘игра’ – *Ойнаучу-Кьол*, балка в бас. р. Учкулан; *ойнаучу* ‘игрок’; *кьол* ‘балка’ [Хапаев 2013: 305]; *индырчы* ‘рабочий на току’ – от *ындыр* ‘ток, гумно’ – *Ындырчы*, местн. и поляна на прав. бер. р. Басхан ниже устья р. Адыл-суу; *ындыр* ‘ток, гумно’ [Хапаев 2013: 418]; *гумачи* ‘кладовщик’ – от *гуму* ‘кладовая’, ‘кладовка’ (балк.) – *Гумачи*, пер. в междр. Адыр-суу и Адыл-суу; река там же; *гуму* ‘кладовая’, ‘кладовка’ (балк.) [Хапаев 2013: 161]. По отношению к распространенным в структурно-композиционном плане географическим наименованиям в единственном числе существует правило неизменного отсутствия падежного изменения, например, *Чариш-Таиш*, местность и камень в верх. р. Кышлык-суу; лев. прит. р. Ч.-Без.; *таиш* ‘камень’ [Хапаев 2013: 393]; *Чалкьы-Ыз*, местн. на окр. аула Ташкёпюр; *чалкьы* ‘коса’; *ыз* ‘след’, ‘борозда’; *Чалманла-Тюз*, поляна на лев. бер. р. Аксаут на сев. окр. селища Кызыл-Карачай, *тюз* ‘равнина’; *чалманла* ‘плетни’ [Хапаев 2013: 392]; (препозиционный компонент употребляется только во множественном числе); *Чабакь-Кёл*: 1) озеро недалеко от аула Джангы-Джөгетей; 2) озеро в верховьях р. Марухи; *чабакь* ‘рыба’; *кёл* ‘озеро’; *Чабакь-Таиш*, камень на р. Кичи-Балык; *чабакь* ‘рыба’; *таиш* ‘камень’ [Хапаев 2013: 391]; *Чана-Дорбун*, пещ. на прав. бер. р. Тамчы-суу в 3 – 5 км. от ист.; *чана* ‘сани’; *дорбун* ‘пещера’; *Чана-Джолла*, местн. в ист. р. Башиль - Аузу-суу у лед. Башиль; *чана* ‘сани’; *джолла* ‘дороги’ [Хапаев 2013: 393]; (постпозиционный компонент употребляется только во множественном числе).

В географическом словаре С.А. Хапаева значение атрибутивного компонента *чариш*, употребляемого в позиции определения со значением ‘скаковой’, не отмечается, несмотря на то что он имеет очевидно прозрачную и продуктивную семантику [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 878].

Как пишет исследователь алтайского языка О.Т. Молчанова, «в тех случаях, когда в географическом имени определяющее имя предшествует географическому номену, сливаясь с ним в неразложимое целое, определяющее слово не склоняется» [Молчанова 1983: 34], например, **Чанка-Къулакъ**, балка на лев. бер. р. Джёгетей; **къулакъ** ‘балка’; **чанка** ‘знатное сословие’ [Хапаев 2013: 393]; **Чанка-Къулакъны** (родительный падеж); **Чанка-Къулакъгъа** (дательный падеж); **Чанка-Къулакъны** (винительный падеж); **Чанка-Къулакъда** (местный падеж); **Чанка-Къулакъдан** (исходный падеж).

Теоретическое осмысление вопросов, имеющих отношение к словоизменению географических имен, имеет собственно практическое значение. В настоящее время отсутствуют лингвистические пособия, отражающие склонение как карачаево-балкарских собственных названий, так и заимствованных из разносистемных языков. На страницах материалов популярных газет и журналов, связанных со склонением субстратных географических имен, совпадающих с апеллятивами, в карачаево-балкарском языке еще бóльшую путаницу создают ответы на подобного рода вопросы, далеко не всегда квалифицированные в современной практике. Решение подобных вопросов в теоретическом плане будет способствовать созданию словаря склонения географических имен, охватывающего все сложные случаи.

В топонимических исследованиях географические имена, обладающие в ряде случаев теоретически недостаточно изученной орфографической специфичностью, констатируют, но не регламентируют существующие написания. В географических словарях по карачаево-балкарскому языку указания на склонение и правописание собственных и заимствованных наименований приводятся эпизодически и не всегда правильно. В них, в частности отсутствуют трудные с орфографической точки зрения формы некоторых падежей, например **Мусса-Къой-Къыркъгъан** местн. в междр. Аксаута и Марухи; Мусса – и. собств.; **къой** ‘овца’; **къыркъгъан** ‘стриженный’ [Хапаев 2013: 286].

Для того, чтобы доказать специфичность словоизменения географических имен, необходимо выяснить, чем словоизменение географических названий отличается от синхронного состояния словоизменения апеллятивной лексики. Сравнение между этими двумя языковыми и географическими понятиями целесообразно выполнить по морфологическим категориям и словоизменительным парадигмам. Собственный грамматический признак имен состоит из грамматической оформленности отмеченных единиц из подбора грамматических классов слов, составляющих онимию карачаево-балкарского языка. Другими словами, собственный грамматический признак географических названий определяется, кроме того, общностью языковых единиц, участвующих в терминообразовании.

Наибольшее число географических наименований в карачаево-балкарском языке образовались с помощью именных частей речи: существительных, прилагательных, числительных, обладающих абсолютной номинативной значимостью в тюркском топонимиконе отмеченного ареала. Кроме того, встречаются и глагольные формы, наречия, имитативы, местоимения. Наиболее многочисленной является группа географических имен, образованных от существительных.

Среди именных частей речи господствующую позицию с точки зрения их номинативной значимости в терминообразовании занимают имена существительные: они в значительной степени, чем остальные части речи способны употребляться в процессе наименования физико-географических объектов, выступая в значении предметности. Однако, немало и таких имен, которые образовались от абстрактных апеллятивных (нарицательных) единиц.

В работах исследователей тюркских имен бытует мнение, согласно которому «не существует логического различия между существительными и прилагательными как в формальном, так и синтаксическом смысле. Причина этого состоит в том, что невозможно определить их концептуально. ...Следовательно, тюркское имя – это не существительное и не прилагательное, но именно то и другое одновременно» [Grönbech 1979: 24–25].

Географические названия в значении прилагательного, помимо самостоятельного употребления, выражаются и контекстуально или в позиции определения, однако исходя из этого положения нельзя констатировать то, что не существует разницы между признаком и предметом, между признаком и абстрактными именами. Можно привести примеры контекстуального употребления имен существительных в позиции определения в географической терминологии, так же как и в материалах обычного употребления: *Таш-Къулакъ*, река, прав. прит. р. Теберды, впадает ниже устья р. Гитче-Кулак; *къулакъ* ‘балка’; *Таш-Баула*, местн. и загоны в верх. р. Кышкыт; бас. р. Аксаут; *баула* ‘загоны’; *таш* ‘камень’ [Хапаев 2013: 340].

В составе карачаево-балкарских топонимов употребляются как терминообразующие компоненты в препозиции количественные и порядковые числительные, обнаруживающие различные грамматические особенности, например, *Эки-Аралыкъ*, поляна в междр. Аманауза и Гоначхира; *аралыкъ* ‘междуречье’, ‘середина’. [Хапаев 2013: 422]. Здесь во втором компоненте отмечается самый продуктивный аффикс отымённого словообразования для карачаево-балкарского языка общетюркский аффикс *-лыкъ*. Существительные, образованные этим аффиксом, выражают главным образом семантику абстрактности-обобщенности.

В составе карачаево-балкарских географических названий отмечаются и порядковые числительные, оформленные аффиксом *-нчи* и обычно выступающие в предложении в качестве определения к существительным, например, *Экинчи-Къызбурун*, официально – Второй Кызбурун, населённый пункт на р. Басхан; *экинчи* ‘второй’ [Хапаев 2013: 423].

При самостоятельном употреблении (без определяемого слова) порядковые числительные довольно редко, лишь в особых условиях контекста субстантивируются, и в этом случае они принимают аффиксы числа, падежа, сказуемости.

Рассматривая производные (одноосновные) формы карачаево-балкарского топонимикона, можно обратить внимание в значительной группе словарных единиц на формальную и смысловую дифференциацию имен существительных и имен прилагательных. На основании лексико-семантических особенностей, руководствуясь только грамматическими характеристиками, нельзя объединять немотивированно в одну группу эти две части речи. Такое положение в

исследовательской работе создает определенные трудности в восприятии непроеизводных именных форм.

Анализируя взаимосвязь имени существительного с другими частями речи, следует отметить то, что каждая часть речи характеризуется свойственными только ей семантическими особенностями. Несмотря на это, между частями речи, участвующими в образовании географических названий на материале карачаево-балкарского языка, существует взаимосвязь и взаимодействие. Это проявляется как в системе словообразования, так и контекстуальном употреблении. В особенности тесна взаимосвязь между именем существительным и прилагательным.

Такие части речи – определители имен существительных, как прилагательные, числительные и некоторые разряды местоимений, при употреблении их в нестандартных для них функциях (например, подлежащего или дополнения) приобретают особенности имен существительных. Это явление принято именовать контекстуальной субстантивацией. «В отличие от устойчивой формы субстантивации, где слово утрачивает все признаки прежней части речи, при контекстуальной субстантивации в слове сосуществуют свойства двух частей речи, т.е. в предложении наряду с признаками своей части речи оно приобретает и признаки имен существительных. Основным условием субстантивации является употребление указанных частей речи вместо определяемого ими существительного...» [Татарская грамматика 1993: 59].

Часто и имена существительные, выступая в контекстуальном окружении, употребляются в функции определения, выражая различные признаки физико-географических объектов. К таким именам, которые употребляются в образовании географических названий, относятся:

темир 'железо' → *темир* 'железный';
таш 'камень' → *таш* 'каменный';
терек 'дерево' → *терек* 'деревянный';
алма 'яблоня'; 'яблоко' → *алма* 'яблоневый'; 'яблочный';
кертме 'груша' → *кертме* 'грушевый';
балык 'рыба' → *балык* 'рыбный';
эрик 'слива' → *эрик* 'сливовый';
нарат 'сосна' → *нарат* 'сосновый';
бау 'загон' → *бау* 'загонный';
кьуш 'орел' → *кьуш* 'орлиный';
кьыз 'девушка' → *кьыз* 'девичий';
кьяа 'скала' → *кьяа* 'скальный';
суу 'вода; река' → *суу* 'водный; речной';
тау 'гора' → *тау* 'горный' и многие другие.

В необычной весьма продуктивной модели построения терминологических единиц они часто употребляются в качестве препозиционного атрибутивного компонента, меняя в процессе наименования свою частеречную принадлежность. Их можно рассматривать как свободные словосочетания, выступающие в прямом значении – значении компонентов. Атрибутивный компонент характеризует морфологические, колоративные особенности рельефа местности,

различных физико-географических объектов. Основным условием употребления имен существительных в функции определения является выступление вместо определяемого ими существительного.

Нередко и имена существительные пополняют лексический состав других частей речи, а также выступают в функции других частей речи. Так, например, падежные формы имен существительных с обстоятельственным значением, являясь постоянным резервом наречий, участвуют в словообразовании географических имен способом лексической изоляции основной формы слова, например, **Блокуда-Ингилизли-Къошу**, название хранит память об англичанах-геологах, в дореволюционное время работавших в Безенги (находится в бас. р. Безенги); **Блоку** – название местности; *ингилизли* ‘англичанин’; *къош* ‘кошара’ [Хапаев 2013: 135]; **Джайлыкъда-Къая-Баши**, местн. бас. р. Аман-Кол; *джайлыкъ* ‘летнее пастбище’, *къая* ‘скала’; *баши* ‘верховье’; **Джайлыкъда-Къая-Тюбю**, скалы в бас. р. Аман-Кол; *джайлыкъ* ‘летнее пастбище’; *къая* ‘скала’; *тюбю* ‘низовье’ [Хапаев 2013: 177]. К числу лексикализированных грамматических форм, обычно так квалифицируемых в лексикографических источниках, относятся формы местного и орудийного падежей, которые, изолируясь от своих истоков, от производящей основы, переходят в разряд другой части речи, то есть наречия, и выступают как самостоятельные слова. На этом основании они выделяются как нарицательные наименования в словарные статьи, требующие необходимой лексикографической интерпретации и участия в наименовании физико-географических объектов. Как пишет Н.К. Дмитриев, «при каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого самого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В результате получается новое слово, только этимологически связанное с основным существительным» [Дмитриев 1948: 118]. Как отмечает А.А. Юлдашев, в принципиальной оценке образований перечисленного рода выделяется «нарушение тождества слова, преобразование словоформы в собственно лексическую единицу» [Юлдашев 1972: 97].

В большинстве случаев формы субъективной оценки придают имени существительному, выступающему в терминообразовании как апеллятив, ласкательно-уменьшительное значение. Эти аффиксы прибавляются в целом как к денотативным именам существительным, так и абстрактным.

«Экспрессивно-эмоциональная лексика в отличие от собственно стилистической в большинстве случаев не имеет дублетов и близких лексических эквивалентов в пределах данной лексической системы» [Юлдашев 1972: 81–82].

Уменьшительно-ласкательные формы, участвующие в карачаево-балкарском языке в образовании географических наименований, продуктивностью и употребительностью не отличаются и на этом основании нельзя считать целесообразным включение нарицательных образований в толковый и переводной словари, возможных лишь теоретически, не принятых нормами языка и явно искусственных. Трудно считать целесообразным включение в лексикографические источники уменьшительно-ласкательных имен, несмотря на то что они отличаются

прозрачностью лексико-семантической и словообразовательной структур. На основании существующих примеров, имеющих ограниченные функциональные особенности, следует отметить аффикс **-чыкъ/-чик** не может выступать в качестве полноценного средства словообразования.

В образовании географических наименований на материале карачаево-балкарского языка от физико-географических апеллятивов участвует и общетюркский аффикс **-сыз/-сиз, -суз/-сюз**, например, **Башсыз-Къол**, балка в бас. р. Аман-Кол; **башсыз** 'безглавый'; **къол** 'балка' [Хапаев 2013: 125]; **Башсыз-Къулакъ**, балка на прав. бер. р. Схауат; **баи** 'верховье'; **-сыз** – аффикс отсутствия чего-либо; в данном случае, истока; **къулакъ** 'балка', 'балка, не имеющая истока'; **Башсыз-Къулакъчыкъ**, ручей на прав. бер. р. Кичи-Балык (Кичи-Малка) у уроч. Кюнлюм; **къулакъ** 'балка', **-чыкъ** – уменьшительно-ласкательный аффикс [Хапаев 2013: 126]; **Белсизланы-Сюлеменни-Дорбуну**, пещ. на прав. бер. р. Кичи-Балык у села Кичи-Балык; **Белсизлары** – антроп.; **Сюлемен** – и. собств.; **дорбун** 'пещера' [Хапаев 2013: 129]; **Бийсиз-Къол**, башня в верховьях р. Зеленчук; **бийсиз** 'без князя'; **къол** 'балка' [Хапаев 2013: 133].

«Аффикс **-сыз/-сиз, -суз/-сюз**. В карачаево-балкарском языке, так же, как и в других тюркских языках, этот аффикс образует имена прилагательные, указывающие на отсутствие конкретного лица или предмета, указанного в основе» [Грамматика карачаево-балкарского языка... 1976: 138]. Прилагательные на **-сыз**, обозначающие пространственный признак, например, **чексиз** 'безграничный', могут относиться как к качественным, так и к относительным, например, **юйсюз** 'бездомный' – от **юй** 'дом'; **жерсиз** 'безземельный' – от **жер** 'земля'; **ишсиз** 'безработный' – от **иш** 'работа'.

В некоторых случаях производные основы на **-сыз** могут выражать и переносное значение, например, **сансыз** 1) 'безразличный'; 2) 'неприметный, простой' [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 62].

Основной функцией прилагательного, участвующего в образовании географических наименований, является его употребление в значении определения к существительному. «Значение категории прилагательного – писал акад. Л.В. Щерба, – конечно, качество, как это прекрасно показано Пешковским... Формально она выражается прежде всего своим отношением к существительному: без существительного, явно или подразумеваемого, нет прилагательного» [Щерба 1957: 70].

В карачаево-балкарском языке существует резкая грань между существительным и прилагательным. Прилагательные в определенных условиях переходят в существительные, а многие существительные – в прилагательные. В большинстве случаев одно и то же слово, а именно имя существительное, обладая различными лексическими значениями, может выполнять функции разных частей речи, проявляя их грамматические особенности, другими словами, может выступать как существительное, и в зависимости от контекстуального окружения как прилагательное.

Начальная форма слова в карачаево-балкарском языке, так же, как и в других тюркских языках, состоит из чистой основы (корня или производной основы). Она, как законченное слово, выявляет определенное лексическое

значение, а с другой стороны, не существует каких-либо грамматических показателей, указывающих на принадлежность к той или иной части речи.

Заключение

Сравнение географических наименований с апеллятивной лексикой показывает процессы топонимизации нарицательных единиц и процессы, происходящие в словоизменении терминологических основ. Изменения в грамматическом строе языка отражаются не только в апеллятивной лексике, но и в географических именах с точки зрения экстралингвистических влияний, «внешних факторов» и ономастической грамматики – периода становления и формирования литературного языка. Все это создает необходимые условия для большей интенсивности грамматических процессов в ономастике. Решая теоретические грамматические вопросы, следует обратить внимание на то, насколько словоизменение географических имен повторяет словоизменение апеллятивной лексики; каковы значительные, решающие факторы, раскрывающие специфичность словоизменения географических наименований. Изменения, происходящие в морфологии современного карачаево-балкарского литературного языка, с точки зрения наименования физико-географических объектов можно охарактеризовать общей формулой – «тенденция к аналитизму».

Анализируя вопросы морфологической составности, грамматической оформленности, внешнего и внутреннего синтаксиса географических наименований, следует отметить, что: 1) топонимические единицы в карачаево-балкарском языке имеют формы единственного и множественного числа; 2) географические наименования обладают специальной двучленной, реже одночленной структурной формой, часто маркированной географическим номеном; 3) топоним-компози́та как один член предложения, выступая в одном лексическом и категориально-грамматическом значении, присоединяет падежную флексию ко второму компоненту; 4) географические имена выражают специфическую представленность грамматических классов; 5) географические имена употребляются в составе конструкций, выражающих неопределенность; 6) географические наименования в функции прямого дополнения выступают только в винительном падеже, в то время как имена нарицательные здесь могут употребляться в основном падеже (5 и 6 признаки не относятся к дополнительным).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Grönbech 1979 – *Grönbech K.* The Structure of the Turkic Languages. Translated by J.R. Krueger. – Bloomington: Indiana University Uralic Altaic Series, 1979. – Vol. 136. – P. 24–25.

Humboldt 1836 – *W. von Humboldt.* Über die Verschiedenheit des Menschlichen Sprachbaues. – Berlin, 1836. – 157 p.

Грамматика карачаево-балкарского языка... 1976 – Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика. Морфология. Синтаксис. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с.

Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.

Курилович 1962 – *Курилович Е.* Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике». – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. – С. 251–266.

Молчанова 1988 – Молчанова О.Т. Морфологические характеристики тюркских географических имен Горно-Алтайской автономной области (существительные, прилагательные, числительные в составе топонимов) // Советская тюркология. – 1988. – № 2. – С. 32–42.

Татарская грамматика 1993 – Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Татарское книжное издательство. 1993. – 397 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – Т. III. – С–Я. – 1157 с.

Хапаев 2013 – Хапаев С.А. Географические названия Карачая и Балкарии. – М.: Фонд «Эльбрусид», 2013. – 574 с.

Щерба 1957 – Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.

Юлдашев 1972 – Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М.: Наука, 1972. – 416 с.

REFERENCES

Grönbech K. The Structure of the Turkic Languages. Translated by J.R. Krueger. – Bloomington: Indiana University Uralic Altaic Series, 1979. – Vol. 136. – P. 24–25.

W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit des Menschlichen Sprachbaues. – Berlin, 1836. – 157 p.

Grammatika karachaevo-balkarskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya. Sintaksis [Grammar of the Karachay-Balkar language. Phonetics. Morphology. Syntax]. – Nal'-chik: El'brus, 1976. – 571 p. (In Russ.).

DMITRIEV N.K. *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Grammar of the Bashkir language]. – M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 276 p. (In Russ.).

KURILOVICH E. *Polozhenie imeni sobstvennogo v yazyke* [The position of the proper name in the language]. In: *Ocherki po lingvistike*. – M.: Izd-vo inostrannoi lit-ry, 1962. – P. 251–266. (In Russ.).

MOLCHANOVA O.T. *Morfologicheskie kharakteristiki tyurkskikh geograficheskikh imen Gorno-Altayskoi avtonomnoi oblasti (sushchestvitel'nye, prilagatel'nye, chislitel'nye v sostave toponimov)* [Morphological characteristics of Turkic geographical names of the Gorno-Altai Autonomous Region (nouns, adjectives, numerals as part of place names)]. In: *Sovetskaya tyurkologiya*. – 1988. – № 2. – P. 32–42. (In Russ.).

Tatarskaya grammatika. Tom II. Morfologiya [Tatar grammar. Volume II. Morphology]. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'-stvo. 1993. – 397 p. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka. V trekh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language. In three volumes]. – Nal'-chik: El'-Fa, 2005. – Т. III. – С–Я. – 1157 p. (In Russ.).

ХАПАЕВ С.А. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii* [Geographical names of Karachay and Balkaria]. – М.: Фонд «El'brusoid», 2013. – 574 p. (In Russ.).

ШЧЕРБА Л.В. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 p. (In Russ.).

ЮЛДАШЕВ А.А. *Printsipy sostavleniya tyurksko-russkikh slovarei* [Principles of compilation of Turkic-Russian dictionaries]. – М.: Nauka, 1972. – 416 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Б.А. Мусуков – доктор филологических наук.

About the author

B.A. Musukov – Doctor of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 09.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 09.04.2025 y.; approved after reviewing 15.09.2025 y.; accepted for publication 27.09.2025 y.